

УДК 94(47)|1700/1855|

Договоры об обмене пленными (картели) в военной истории России

В. В. Познахирев

Познахирев Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарно-художественного образования, Смольный институт Российской академии образования, Санкт-Петербург, vvkr@list.ru

В статье исследуется участие России в такой институционализированной форме обмена пленными, как картели. Раскрывается сложный и противоречивый механизм выработки и реализации картеля; анализируются его преимущества и недостатки в контексте отечественного и отчасти зарубежного опыта. Формулируется вывод, согласно которому при определенных обстоятельствах картель может быть использован в ходе современных вооруженных конфликтов как международного, так и внутригосударственного характера.

Ключевые слова: военнопленные, вооруженный конфликт, картель, обмен пленными, репатрианты, Российская империя.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Agreements on the Exchange of Prisoners (Cartels) in the Military History of Russia

V. V. Poznakhirev

Vitaliy V. Poznakhirev, <https://orcid.org/0000-0001-8920-7283>, Smolny Institute Russian Academy of Education, 59 Polyustrovsky Avenue, St. Petersburg 195197, Russia, vvkr@list.ru

The article examines Russian participation in such institutionalized form of prisoner of war exchange as cartels. The author reveals a complex and contradictory mechanism for the *formulation and implementation* of the cartel; analyzes its advantages and disadvantages in the context of domestic and, in part, foreign experience; comes to the conclusion that under certain circumstances the cartel can be used in the course of modern armed conflicts of both international and domestic character.

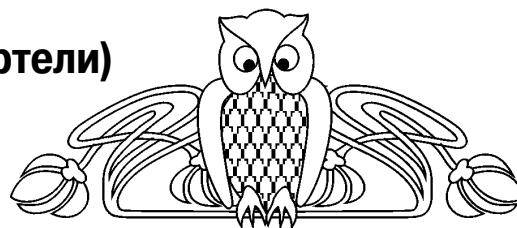
Keywords: prisoners of war, armed conflict, cartel, exchange of prisoners, repatriates, Russian Empire.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-161-166>

В наши дни, несмотря на все усилия мирового сообщества, в международных базах данных ежегодно регистрируется до нескольких десятков вооруженных конфликтов, неизбежно сопряженных с захватом враждующими сторонами более

или менее значительного числа пленников. Последующее освобождение этих людей зачастую достигается лишь в результате многосторонних, многоэтапных и, главное, многотрудных переговоров, которые *могут длиться годами* по причинам неуправляемого характера большинства современных конфликтов, колеблющейся динамики их развития, а также обилия участников разной степени самостоятельности.

Выходом из сложившейся ситуации видится обращение к опыту прошлого, а вернее – к институционализированной форме обмена пленными на основе «картелей», тем более, что договоры такого рода широко применялись в войнах Нового времени с 1599 по 1864 г. (первый в истории человечества картель был заключен в ходе войны Испании и Соединенных провинций Нидерландов 1566–1648 гг., а последний – в период Гражданской войны в США 1861–1865 гг.)¹. Уже одно это обстоятельство явно свидетельствует об «устойчивости» картеля, которая, в свою очередь, детерминировалась его чрезвычайной гибкой правовой конструкцией. В сущности такое соглашение представляло собой не что иное, как систему компромиссов и взаимных приспособлений, позволяющую его участникам регламентировать именно те вопросы, которые они считали для себя наиболее значимыми.

Если говорить несколько детальнее, то, будучи договором о порядке и правилах обмена пленными, картель, в той или иной степени, преследовал три основные цели:

- а) избавить собственных соотечественников от пребывания в неволе;
- б) вернуть своей армии подготовленный контингент, в первую очередь – специалистов (артиллеристов, инженеров и т. п.), а равно лиц, способных оказать влияние на дальнейший ход войны (старших и высших офицеров);
- в) сократить затраты на содержание пленных противника.

Рассматриваемый договор заключался на срок до нескольких лет либо вплоть до окончания военных действий, что, впрочем, не лишало стороны права в любой момент отказаться от его дальнейшего исполнения или внести в него необходимые изменения и дополнения. Характерной чертой соглашения было то, что оно не носило персонализированного характера и распространялось на всех без исключения лиц, «с обеих сторон в нынешнюю войну уже в полон взятых, или же впредь в оной попадающихся»². Следует

также иметь в виду, что договор предусматривал обмен пленными на регулярной основе (например, один раз в месяц); в его тексте оговаривались конкретные даты и географические пункты обмена³, перечень, наименование и маршруты следования т. н. «картельных судов» (при перевозке репатриантов морем), а равно особенности освобождения из плена раненых и больных (обычно эти люди обменивались «на равное число таких же», но допускался и обмен без учета состояния здоровья пленников)⁴.

Центральным элементом любого картеля выступала «таблица соответствия» воинских званий, должностей и иных социальных характеристик его субъектов как друг другу, так и некоему денежному эквиваленту. К примеру, один сержант мог обмениваться на одного сержанта или двух рядовых, а при отсутствии и тех и других – «приобретаться» за установленную договором сумму. Однако на практике значение финансовой составляющей было минимальным, ибо картель все-таки пришел на смену «выкупу», потому обмен по принципам: «человек за человека» и «чин за чин» – являлся в нем, безусловно, приоритетным⁵. К тому же соглашение обычно предусматривало, что пленники отдельных категорий освобождаются без учета их количества (священнослужители, медицинский персонал, офицерские денщики, ремесленники, цирюльники, почтальоны, маркизанта и иные приравненные к ним лица)⁶.

Крайне важно отметить, что по своему содержанию многие картели выходили далеко за рамки вопросов обмена пленными. Так, они могли обязывать стороны: регулярно направлять друг другу списки пленников; обеспечивать безопасность захватываемых лечебных учреждений противника, а за их пациентами «смотреть докторам и лекарям, и потребные лекарства, также и нужное для их здоровья им давать»; воздерживаться от жестокого обращения с пленными; содержать их «по тому жалованию, которое они в службе своей получали»; разрешать пленникам «писать к сродникам их» о том, где они находятся» и т. п. Нередко картели запрещали воюющим требовать у противника выдачи перебежчиков, а равно принуждать пленных к переходу на службу в ряды своих вооруженных сил. Словом, исследуемые соглашения могли регулировать самые разные вопросы, вплоть до таких нюансов, как права и обязанности должников, предусматривая, к примеру, что нажитые последними в плену долги должно выплачивать то государство, к которому эти люди принадлежат⁷.

Вместе с тем объективности ради надо признать, что в отдельных источниках высказываются и критические замечания в адрес картелей. Так, в частности, акцентируется внимание на том, что такие договоры требовали относительно высокого уровня доверия сторон, а их реализация была нередко сопряжена с многочисленными взаимными претензиями и недопониманием⁸. Более того,

существует мнение, согласно которому кризис картелей стал неизбежным следствием прогресса, привнесенного в общество Великой французской революцией 1789–1799 гг.⁹

Мы не считаем высказанные упреки убедительными, так как взаимного доверия требует подписание любого договора, а реализация его довольно часто бывает сопряжена и с претензиями, и с недопониманием. Не следует, по-видимому, преувеличивать и роль Великой французской революции, ибо последние картели, заключенные в Европе и США (1855 г. и 1862 г. соответственно), отделены от нее целыми десятилетиями, но вплотную примыкают к таким первым актам, направленным на кодификацию международного гуманитарного права как Кодекс Либера (1863 г.), Женевская конвенция (1864 г.) и Брюссельская декларация (1874 г.).

Однако, как бы то ни было, все изложенное вплотную подводит нас к вопросам о том, в какой степени и с какими результатами «эпоха картелей» затронула Россию? И хотя ни зарубежная, ни даже отечественная специальная литература не содержат практически никаких упоминаний о картелях с участием нашей страны, анализ архивных документов и опубликованных источников свидетельствует о том, что за свою историю Российская империя 5 раз, как минимум, либо заключала такой договор, либо рассматривала возможность его заключения.

Переходя к более детальному освещению сказанного, отметим следующее.

1. Первая попытка установления Россией картеля относится к начальному периоду Северной войны 1700–1721 гг.¹⁰ Уже в 1702 г. был поднят вопрос «об отправлении на шведскую границу комиссара на съезд для размены с шведскими комиссарами обоюдных военнопленных всякого звания и людей (т. е. военнотружущих и удерживаемых противником гражданских лиц. – В. П.)»¹¹, а российское военно-политическое руководство приступило к изучению картелей, заключенных в ходе европейских вооруженных конфликтов конца XVII столетия (Франко-голландской войны 1672–1678 гг.¹², войны между Францией и Аугсбургской лигой 1688–1697 гг.¹³ и, возможно, некоторых других).

Наиболее активные переговоры со Стокгольмом по данному вопросу пришлось на 1703–1705 гг. Инициатором их выступил Петр I, стремившийся, в первую очередь, вернуть на родину часть своей военной элиты (10 генералов и 10 полковников), которая была потеряна пленными в неудачном для русских сражении при Нарве (1700 г.). В то же время шведская сторона не желала скорого освобождения высокопоставленных российских военнотружущих, а потому избегала связывать себя долговременным обязательством общего характера и настаивала на индивидуальном и групповом обмене по принципу «чин против чина»¹⁴. Тем не менее царь предпринял поистине

титанические усилия для того, чтобы добиться своего. Так, он привлек в качестве посредников на переговорах правительства Англии¹⁵, Нидерландов¹⁶, Пруссии¹⁷ и Франции¹⁸; уведомил шведский Сенат о том, что он «не токмо размен, но и картель во всю следующую войну како между всеми воюющими потентаты христианскими обыкно быти соизволяет»; уполномочил стольника А. П. Измайлова «ехати на свейский съезд <...> ради договаривания о учинении картеля к размене и окупу с обеих сторон полоняников и задержанных»¹⁹, а также принял непосредственное участие в разработке концепции будущего картеля, положив в его основу денежный эквивалент для каждого пленника, в зависимости от его воинского звания (генерал-фельдмаршал «стоил» 800 руб., генерал-лейтенант – 300 руб., полковник – 80 руб., капитан – 20 руб., сержант – 4 руб. и т. д.)²⁰. Более того, в августе 1705 г. Петр даже выразил предварительное согласие на просьбу своего союзника польского короля Августа II о включении в предстоящий картель пункта об обмене интернированных в Швецию польских военнопленных «на шведских в наших землях обретающихся излишних пленников»²¹.

Однако усилия царя не увенчались успехом и вызвали лишь раздражение Карла XII. Как писал в феврале 1706 г. прусский посланник в Стокгольме, на очередное российское предложение о картеле, «король шведский с сердцем весьма отказал, что он на то не соизволяет, а размену де учинить повелит так, как давно <...> объявил, а не инако»²². С этого момента и вплоть до осени 1709 г. всякие упоминания о картеле постепенно исчезают из внутривластной и международной российской переписки²³.

Новый всплеск интереса к данному вопросу был связан с разгромом Карла XII под Полтавой и пленением около 20 тыс. шведов, включая 1 фельдмаршала и 8 генералов. Иными словами, противник потерял превосходную армию, которую к тому же невозможно было восстановить (что, собственно, и подтвердили дальнейшие события Северной войны). Теперь уже Стокгольм стал настоятельно просить о заключении картеля, в рамках которого предлагал «чин против чина разменять сколько будет на обеих сторонах», а «ежели на обе стороны больше не станется чин против чина и невозможно больше на размену поставить, тогда <...> чтоб нынешним настоящим временем тако ж де и впредь, ежели война не кончится, дабы невольники, которых невозможно разменять чин против чина, тогда за несколько число денег освобождены да будут»²⁴.

Петр I отреагировал в том смысле, что «продать шведам их армию, это значит купить себе беду», и предложил для начала произвести обмен пленными военачальниками²⁵. Но Стокгольм ответил отказом. Как поясняет в этой связи М. Эрикссон, «по мнению короля (Карла XII. – В.П.), с освобождением всех высокопоставленных русских

пленников возрастет риск того, что договориться о картеле станет невозможно. Для короля было важнее заключить картель, чем дать отдельным военнопленным свободу»²⁶.

В итоге переговорный процесс довольно быстро зашел в тупик, тем более, что после Полтавской победы русские действительно утратили интерес к картелю. И хотя переписка по поводу данного договора эпизодически возобновлялась вплоть до августа 1720 г., никакого видимого успеха она не имела²⁷.

2. В период Семилетней войны 1756–1763 гг. переговоры оказались куда более результативными. Уже 4 (15) октября 1759 г. Россия и Пруссия заключили картель «О размене и выкупе обеих сторон военнопленных» со сроком действия в 6 лет. Однако поскольку и само названное соглашение, и порядок его реализации мы уже рассматривали ранее²⁸, ограничимся лишь некоторыми замечаниями. Так, сразу же необходимо обратить внимание на то, что несмотря на присутствие в наименовании договора слова «выкуп», а в тексте его «расценок» на каждого военнослужащего (к примеру, за прапорщика следовало отдать 5 рядовых или 12,5 руб., за капитана – 16 рядовых или 40 руб., за подполковника – 60 рядовых или 150 руб. и т. д.)²⁹, в соответствии с общим правилом «стоимость» того или иного лица рассматривалась здесь не более, чем некая условная единица. Во всяком случае известная нам документация, касающаяся обмена пленными, не содержит даже намека на фактическое перечисление сторонами «выкупных платежей» и вообще на какие-либо взаиморасчеты.

Следует также признать, что для своего времени названный договор выглядел вполне заурядно и не содержал ни существенных особенностей, ни прогрессивных положений, которые выделили бы его из ряда аналогичных соглашений XVIII столетия или не были бы известны тогдашнему праву вооруженных конфликтов. Вместе с тем исследуемый картель оказался достаточно результативным, так как за 5 месяцев его действия прусской стороне было передано 1 174 пленника и получено взамен 1 328 россиян³⁰. Если говорить о последних детальнее, то в Россию смогли задолго до окончания военных действий вернуться 2 генерал-поручика, 2 бригадира, 3 полковника, 1 майор, 9 капитанов, 15 поручиков, 51 подпоручик и прапорщик, 2 врача, 1 098 унтер-офицеров и рядовых, а также десятки лиц иных категорий³¹.

Конечно, успех договора мог быть и куда более впечатляющим, но уже к марту 1760 г. Берлин фактически отказался от его дальнейшего исполнения. Причины тому ни одна из сторон ясно не сформулировала, если, конечно, не принимать во внимание массу взаимных упреков в невыполнении тех или иных обещаний, бесконечных проволочках, неправильном оформлении документов, несоблюдении установленных маршрутов и сроков, незаконном удержании лиц, не подлежащих

плону, и пр.³² Однако, на наш взгляд, прусский король Фридрих II утратил веру в договор главным образом потому, что, даже вернув Петербургу всех его плененных генералов, он так и не смог добиться освобождения самого высокопоставленного из своих находившихся в России пленников – полковника Иоганна Людвиг Гордта³³.

3. В очередной раз вопрос о картеле возник в марте 1790 г., на исходе Русско-шведской войны 1788–1790 гг., когда Стокгольм через посредство правительства Испании предложил Екатерине II заключить договор об обмене пленными. Императрица направила предложение на рассмотрение Совета при высочайшем дворе. Но последний высказался по этому поводу отрицательно, заметив, что «по известному отвержению королем шведским мирных условий здешних, входить с ним в сношение, следовательно ж и предлагаемый картель учреждать, нет никакой удобности, а особливо теперь, когда ж наступает пора к открытию кампании и началу военных действий, в продолжении которых невозможно обоюдным комиссарам свободно съезжаться, а для такого трактования остановить действия было бы для здешней стороны весьма невыгодно»³⁴.

4. Несколько иначе события развивались в ходе Англо-русской войны 1807–1812 гг. Как и в предыдущем случае, инициатором переговоров выступил противник. В апреле 1808 г. британское правительство предложило Петербургу «приступить к Генеральной картели о размене военнопленных между нашим отечеством и Россией на том же основании, на каком производится оный ныне с Голландией». В качестве образца к письму прилагалась копия англо-голландского картеля от 21 января 1805 г. В основу обмена предлагалось положить принципы «человек за человека» и «чин за чин»³⁵.

Изучив полученные документы, российское Морское министерство определило в качестве картельного порта Ригу и подвергло критике п. 3 англо-голландского договора, согласно которому на переходе морем каждому репатрианту полагалось ежедневно выдавать: 1 фунт хлеба, 1 фунт мяса и 2 кварты пива. Признав эти нормы совершенно недостаточными, Министерство предложило обеспечивать пленников «морской порцией российского веса и меры, а именно, в неделю на человека: 11¼ фунта сухарей, 7 чарок хлебного вина или водки, 3½ фунта соленого мяса, 3¼ фунта круп, 2½ фунта гороха, 1½ фунта коровьего масла, ½ фунта соли, а также 7 чарок уксуса или вместо одного красного вина 14 чарок для питья с водою»³⁶.

И хотя иных замечаний и пожеланий высказано не было, саму идею картеля с Англией Петербург в конечном итоге отклонил. Однако мы полагаем, что даже если бы такой договор и удалось подписать, реализовать его не представлялось возможным уже потому, что на протяжении всей войны британцев в русском плену

практически не было (если не считать нескольких перебежчиков, которые по общему правилу выдаче не подлежали)³⁷.

5. Наиболее успешным и долговременным оказался картель, заключенный в разгар Крымской войны 1853–1856 гг.

Характерно, что готовность к обмену пленниками российская сторона выразила уже на начальном этапе боевых действий. Так, 11 мая 1854 г. Николай I «высочайше повелеть соизволил при размене пленных соблюдать непременно следующие правила: 1. При предложении со стороны турецкого начальства о размене пленных, допускать размен на русских только одних природных турок. 2. При предложении от начальства французских войск, размен делать не иначе, как на природных французов, и при предложении от начальства английских войск, также не иначе как на природных англичан»³⁸.

Однако сам картель (в российской служебной переписке этот документ, ввиду его многостороннего характера, обычно именуется «Конвенцией») был подписан лишь по прошествии 11 месяцев, при посредничестве правительства Австрии. Формально субъектами договора выступали Россия, Великобритания и Франция. Что же касается плененных османов, то Париж почти сразу же выразил согласие принимать в счет обмена и турок, поскольку количество подлежащих обмену французов не покрывало численности русских плененных, возвращаемых Францией³⁹. Вместе с тем нельзя обойти молчанием тот факт, что плененных сардинцев обменивать было почему-то «не велено», и «на предложение сардинского правительства о размене оных согласия (со стороны Николая I. – В. П.) не последовало». Впрочем, на взаимоотношения сторон этот отказ никак не повлиял, тем более, что за всю войну в русский плен попало лишь 67 сардинцев⁴⁰.

Как полагает турецкий историк Ибрагим Кёремезли, рассматриваемый картель не преследовал цели освободить лиц, способных оказать существенное влияние на дальнейший ход войны, а, напротив, носил исключительно гуманистический характер⁴¹. Мы полностью поддерживаем такую оценку, тем более, что ее разделяли и некоторые российские непосредственные участники описываемых событий. В остальном договор мало чем отличался от большинства соглашений подобного рода. Так, перевозку плененных предполагалось осуществлять исключительно морем. Картельными портами назначались Одесса и Ливава. Обмену подлежали лишь здоровые пленники, раненых и больных следовало возвращать противнику только после выздоровления (что, кстати, соблюдалось далеко не всегда). Лица, признанные негодными к дальнейшей военной службе, равно как и не относящиеся к боевому составу войск, репатрировались без учета их численности⁴².

Картель сохранял силу практически до окончания военных действий. И хотя его коли-

чественные результаты в различных источниках представлены не вполне однозначно, можно с высокой степенью вероятности утверждать, что в рамках рассматриваемого соглашения обе стороны репатриировали около 25 % находившихся у них пленных. При этом союзники передали России 1 013 чел. и приняли 1 623 чел., включая 205 англичан, 434 француза и 984 турка⁴³.

Подводя итоги, мы приходим к следующим выводам:

I. В XVIII–XIX вв. Россия эпизодически производила упорядоченный обмен пленными (или, по крайней мере, участвовала в переговорах по поводу такого обмена) с ведущими державами как Запада (Великобритания, Пруссия, Франция, Швеция), так и Востока (Турция). Несмотря на очевидную ограниченность соответствующего отечественного опыта, последний охватывает не только двухсторонние, но и многосторонние отношения; позволяет раскрыть сложный и противоречивый механизм выработки и реализации картелей и, наконец, лишней раз свидетельствует о том, что в обозначенных хронологических рамках российское право вооруженных конфликтов развивалось в русле общеевропейских тенденций.

II. Одной из основных причин того, что в середине XIX в. картели утратили свое прежнее значение, стала кодификация международного гуманитарного права (МГП). Однако современные конфликты в подавляющем большинстве носят внутригосударственный характер, а следовательно, регулируются нормами МГП лишь в незначительной степени, благодаря чему рассматриваемые соглашения могут стать в наши дни поистине незаменимыми.

III. Тот факт, что картель применим не только к межгосударственным, но и к немеждународным конфликтам, подтверждается хотя бы его относительно успешным использованием в период Гражданской войны в США 1861–1865 гг. Да и самые первые картели (1599 г. и 1602 г.) были подписаны в ходе войны Испании и Соединенных провинций Нидерландов (1566–1648 гг.), т. е. конфликта, строго говоря, внутригосударственного.

IV. Как представляется, разработка и внедрение в современную практику соглашений подобных картелям могло бы при определенных обстоятельствах способствовать смягчению гуманитарной ситуации в конфликтных регионах. Кроме того, оно обеспечило бы регулярные контакты между воюющими, постоянный контроль за динамикой противостояния, а в конечном итоге – и высокую результативность всего мирного процесса.

Примечания

¹ Lagadec Y., Le Prat Y., Perréon S. Un aspect des relations trans-Manche : les échanges de prisonniers de guerre depuis la Bretagne pendant la Seconde guerre de Cent Ans (1689–1815) // Mémoires de la Société d'Histoire

et d'archéologie de Bretagne, Société d'histoire et d'archéologie de Bretagne. 2013. Vol. 91. P. 260.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 39. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–2.

³ Duché E. Captives in Plantations : British Prisoners of War and Visions of Slavery in Napoleonic France and Mauritius // French History and Civilization. 2017. Vol. 7. P. 109, 117.

⁴ Abell F. Prisoners of war in Britain 1756 to 1815 ; a record of their lives, their romance and their sufferings. L. ; N. – Y., 1914. P. 25–26, 31.

⁵ См.: Догель М. И. Юридическое положение личности во время сухопутной войны (комбатанты). Казань, 1894. С. 121, 123–125.

⁶ См.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 8. Л. 3

⁷ См.: РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–8.

⁸ Acerra M., Merino J., Meyer J. Les marines de guerre européennes : XVIIe–XVIIIe siècles. P., 1998. P. 128.

⁹ Schouler J. History of the Civil War, 1861–1865 / History of the United States of America under the Constitution. N. Y., 1899. Vol. VI. P. 408–410.

¹⁰ См.: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1705 г. Д. 4. Л. 123–124.

¹¹ Там же. 1702 г. Д. 4. Л. 1–13, 37.

¹² См.: Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. СПб., 1889. Т. 2. С. 917.

¹³ См.: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1702 г. Д. 4. Л. 37.

¹⁴ Там же. 1705 г. Д. 4. Л. 128.

¹⁵ См.: Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 39. С. 199–200.

¹⁶ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 269–270.

¹⁷ Там же. СПб., 1900. Т. 4. С. 604–605.

¹⁸ См.: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1705 г. Д. 4. Л. 242/

¹⁹ Там же. Л. 7–10, 13, 35, 44, 128–129.

²⁰ Там же. Л. 77–81.

²¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 415–416.

²² Там же. Т. 4. С. 639.

²³ Там же. С. 355, 361.

²⁴ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–4.

²⁵ См.: Акишин М. А. Пленные Северной войны : правовое положение // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения : сб. статей. М. : Кучково поле, 2009. С. 187–188.

²⁶ Eriksson M. Statsmakten och krigsfångarna : Den svenska statsmaktens ambitioner för krigsfångarna under det stora nordiska kriget, åren 1709–1714. Sundsvall : Mid Sweden University, 2019. S. 28–30.

²⁷ См.: Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 190. Л. 176–177.

²⁸ См.: Познахирев В. В. Русско-прусская картель 1759 года «О размене и выкупе обеих сторон военнопленных» как памятник права вооруженных конфликтов // Военно-юридический журнал. 2016. № 10. С. 29–32.

²⁹ См.: РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 145. Л. 3–5.

³⁰ Там же. Д. 189. Л. 28–29.

- ³¹ Там же. Д. 98. Л. 1–2.
- ³² Там же. Д. 189. Л. 21, 38, 48, 95.
- ³³ См.: Плен графа Гордта в России (1759–1762). Извлечено из его записок и дополнено Л. Н. Майковым // Русский архив. 1877. № 7. С. 311.
- ³⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1146. Оп. 1. Д. 10. Л. 58–59.
- ³⁵ РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1052. Л. 13, 23.
- ³⁶ Там же. Л. 19–21, 24, 31.
- ³⁷ Там же. Д. 1119_ц. Л. 111, 142.
- ³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе : в 55 т. Т. XXIX. Отд. первое. СПб., 1885. № 28221.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 111. 1856 г. 2 Отд. Д. 399. Л. 4–5.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 325. Д. 39. Л. 176.
- ⁴¹ Köremezli İ. Kırım Harbi Sırasında Rusya'daki Esir Osmanlı ve Müttefik Askerleri (1853–1856) // Belleten. 2013. С. LXXVII, № 280. S. 1010–1011.
- ⁴² См.: Мещерский А. В. Из воспоминаний князя Александра Васильевича Мещерского. Размен пленных в войну 1854–1856 годов. М., 1899. С. 2.
- ⁴³ См.: РГВИА. Ф. 395. Оп. 111. 1856 г. 2-е Отд. Д. 371. Л. 1–3, 11–12.

Образец для цитирования:

Познахирев В. В. Договоры об обмене пленными (картели) в военной истории России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 161–166. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-161-166>

Cite this article as:

Poznaikhirev V. V. Agreements on the Exchange of Prisoners (Cartels) in the Military History of Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 161–166 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-161-166>